

— Они ведь раньше не были простыми работягами? — спросил Ли Кай.

Чэн Шу кивнул:

— Раньше служили у моего деда. Мужики честные, за душой ни одного темного пятнышка, просто комиссовались по разным причинам. Сами понимаете: в армии всё по уставу, вот у них головы чутко и заостенели. Вернулись по домам, а к гражданской жизни привыкнуть так и не смогли.

Он мотнул головой в сторону лавки.

— Сложных решений им принимать не придется, это не по их части. А вот присмотреть за делом, разгрузить-принести, поработать руками — тут они незаменимы.

А ведь когда-то каждый из них был лучшим в своем деле.

Гоудань проникся искренним уважением:

— Те, кто служил Родине и проливал за неё кровь — настоящие мужики. Я таких всегда уважал. Так что не переживай. Хотя всем заправляю я, ты здесь полноправный хозяин. Заглядывай в лавку в любое время, проверяй, как идут дела.

Чэн Шу весело рассмеялся:

— Ну уж нет, избавь меня от этого! Я в торговле ни ухом ни рылом. Дядя рассказывал, что у тебя к коммерции настоящий талант, вот я и решил примазаться, прокатиться за твой счет. Хочу просто срубить немного денег на карманные расходы вашими молитвами.

— Лишь бы тебе прибыль не показалась слишком скромной.

— Какая там скромность! За последнее время ты мне глаза открыл. У тебя же нюх потрясающий и хватка мертвая. В столице сейчас торгашей пруд пруди, но у них либо связи за спиной, отчего всё как по маслу идет, либо... А вот так, чтобы без роду без племени, за считанные месяцы выйти в плюс, да еще и дефицит из-под земли доставать — за это я тебя искренне уважаю.

Человек без связей и твердой почвы под ногами — пусть даже Чэн Шу взял его под свое крыло — умудрился в мгновение ока развернуть такое дело. Это требовало недюжинного ума. А иметь дела Чэн Шу предпочитал исключительно с толковыми людьми.

Гоудань тоже кое-что слышал о своем партнере. Говорили, Чэн Шу с малых лет воспитывался в доме деда, души не чаял в Чэнь Чжэнго и спал и видел себя в военной форме. Да только рос он

единственным сыном, отец его безвременно ушел из жизни, и родня легла костью, лишь бы не пустить парня в армию. В итоге его чуть ли не силой запихнули в университет на политологию.

Оно и понятно: семья желала для него тихой, сытой и, главное, безопасной карьеры на чиновничьем поприще.

— Раз уж ты заглянул, давай перекусим вместе, а заодно и отчеты глянешь? — предложил Ли Кай.

— Идёт.

Втроем они устроились в заведении с хого. За неторопливой беседой обо всем на свете время летело незаметно. Горячий, острый бульон грел изнутри, так что посреди лютой зимы парни покраснели и даже начали понемногу потеть.

— Вы, медики, наверное, только и думаете, как бы здоровье сберечь? — полюбопытствовал Чэн Шу.

— Да нет, мы не заикливаемся, — отозвался Ван Сюань. — Просто профессиональная деформация. Смотришь на еду или привычки и сразу представляешь последствия для организма. Рука сама тянется отказаться от вредного.

— И все-таки ты силен. Будучи совсем пацаном, составить такой сильный рецепт! Я слышал, твоё средство сейчас в армии у каждого второго бойца в аптечке лежит.

— Ну что ты, я просто взял старую формулу и немного её доработал. Встал на плечи гигантов, так сказать, — смутился Ван Сюань.

Про себя он отметил, насколько приятным собеседником оказался Чэн Шу. Тот искусно вел разговор: хоть Ван Сюань и пришел за компанию с Гоуданем, его ни разу не обделили вниманием. Сразу видно — порода, воспитание в приличной семье сказывается.

Пока Ван Сюань предавался размышлениям, Гоудань не забивал себе голову глупостями. Он уплетал угощение за обе щеки, шумно орудуя палочками. Чэн Шу впервые сидел с ним за одним столом и, продолжая беседовать с Ван Сюанем, краем глаза с изумлением наблюдал за этим кулинарным ураганом.

Ему еще никогда не приходилось видеть, чтобы кто-то ел с таким упоением. На военных сборах солдаты тоже заглатывали паёк в мгновение ока, но они делали это чисто механически, набивая желудки и едва успевая жевать.

Ли Кай же ел хоть и быстро, но так аппетитно, что у любого невольно начинали течь слюнки. Глядя на него, хотелось тут же схватить палочки и набить рот — казалось, ничего вкуснее

этого хого на свете нет.

При этом его манеры вовсе не выглядели вульгарно. Напротив, в его движениях сквозила та же лаконичная четкость, что и во всем остальном. Чэн Шу невольно вспомнил их первую встречу, когда он примчался на выручку с подмогой, но застал лишь раскиданную шпану. Ли Кай уложил обнаглевших хулиганов поодиночке: один удар — один нокаут, без единого шанса подняться для повторной атаки. Быстро, жестко, филигранно.

Вывести противника из строя, не искалечив его — для этого требовалось ювелирно дозировать силу и безупречно знать анатомию.

Еще тогда у Чэн Шу загорелись глаза. Драка в исполнении этого парня, пусть и не знавшего классических стилей, походила на захватывающее зрелище. Обычно уличные потасовки — это грязная, сумбурная возня, где берут числом и лупят куда попало. Здесь же был чистый триумф эффективности.

Пожалуй, даже не приди тогда Чэн Шу со своими ребятами, Гоудань бы и бровью не повел.

Ли Кай тем временем не забывал заботиться о спутнике, то и дело подкладывая сочные ломтики мяса в пиалу Ван Сюаня, так что у того уже выросла приличная горка. Чэн Шу посмотрел на это и мысленно усмехнулся. "Называется, пригласили гостя отобедать", — подумал он. Парочка уплетала за обе щеки, а сам он из вежливости только и делал, что развлекал их разговорами, так и не успев толком распробовать угощение.

Живот предательски заурчал. Заразившись аппетитом соседа, Чэн Шу отбросил светский этикет. Он решительно вооружился палочками и нырнул в кипящий котел. Разговоры тут же смолкли — за столом воцарилось дружное сопение и причмокивание от жгучего пара.

Со стороны эта картина выглядела так аппетитно, что случайные прохожие наверняка захлебнулись бы слюной.

— Ого, — удивился Ли Кай, разглядывая пустые тарелки. — Не думал, что в такого худощавого парня столько влезет. Ты не пойми неправильно, я не куски считаю, просто удивлен твоим аппетитом.

Чэн Шу едва не поперхнулся. "Да это буквально одно и то же!" — мысленно возопил он. С твоей-то бездонной утробой только чужие тарелки и оценивать!

— Чья бы корова мычала, — усмехнулся Чэн Шу. — Я тоже не ожидал, что у тебя желудок безразмерный.

— Так я всегда так ем, — как ни в чем не бывало отозвался Гоудань. — С самого детства аппетитом не жалеюсь.

Чэн Шу лишь хмыкнул про себя. Он знал, из какой глухомани приехал Ли Кай. Если этот прожорливый парень столько лопал десять лет назад, в разгар дефицита, его семье наверняка приходилось несладко — такого прокормить никакой крупы не напасешься.

— Да и вообще, обычная порция, ничего сверхъестественного, — добавил Ли Кай.

«Ну да, исключительно по твоим меркам», — мысленно парировал Чэн Шу.

Ладно Гоудань, но и утонченный, хрупкий на вид Ван Сюань уплетал мясо с поразительной скоростью. Впрочем, тот с детства занимался боевыми искусствами, тратил уйму энергии и кушал за троих. Но со стороны-то он казался типичным бледным интеллигентом! Откуда в нем этот аппетит?

Чэн Шу похлопал себя по животу. Из-за бешеного темпа сотрапезников он и сам не заметил, как перевыполнил свою обычную норму. В желудке приятно тяжелело. Переел, чего уж греха таить.

Зато как душевно посидели!

Молодые организмы требовали калорий. Зелени они почти не брали — зимой в столице из овощей водились разве что соевые проростки да китайская капуста с редькой, да и те кусались по цене. К чему тратить на траву, когда есть мясо? На краю стола росла внушительная пирамида из пустых тарелок. Хозяин заведения, принимая плату, расплылся в довольной улыбке. Будь все клиенты такими же прожорливыми, его касса трещала бы от выручки каждый день.

Скинув заботы о лавке на надежных людей, Гоудань со спокойной совестью вернулся к студенческой жизни. Нужно было наверстывать упущенное за время беготни с коммерцией. В университете как раз началась зачетная неделя. Студенты и в обычные дни учились не щадя сил, а теперь и вовсе буквально прописались в читальных залах. Все мысли, разговоры и взгляды были прикованы исключительно к учебникам.

Даже самые отъявленные лоботрясы устыдились своей лени. Общая лихорадочная атмосфера заражала: куда ни глянь, каждый судорожно листал конспекты.

В комнатах общежития царил жуткий холод. Стоило кому-то пообещать себе почитать полчаса в тепле, как он тут же уползал под одеяло и проваливался в сон. Вернувшись вечером из библиотеки, Гоудань застал в комнате мертвую тишину, нарушаемую лишь мерным сопением. Кое-кто так и заснул в обнимку с книгами, скользнувшими на пол.

Сонливость накатила тяжелой волной. Ли Кай не устоял: забрался на свою койку, накрылся двумя тяжелыми ватными одеялами и уснул под их спасительным, давящим весом. Очнулся он только под вечер, когда парни начали собираться на ужин.

— Ну ты и дрыхал, богатырь, — хмыкнул кто-то из соседей.

— Угу... — зевнул Ли Кай, потягиваясь. — Под одеялом так хорошо, прямо не вылезешь.

— Да мы все хороши! Чэнь Вэньлай с Ван Фаном тоже божились, что займутся зубрежкой. "В теплой постельке поучу", — говорят. А вернулись — эти двое дрыхнут без задних ног, только храп стоит!

— А сами-то? Наверняка ведь тоже прилегли? — проворчал сонный голос с соседней койки.

— Так это ты нас заразил! Вон, спроси у Ли Кая. Парень обычно сутками пашет, а тут даже он поддался общему сонному мору.

— Ну и холодища на улице! — запричитал Чэнь Вэньлай, укутываясь в ватник и становясь похожим на неуклюжего медвежонка. За семестр его путунхуа стал заметно чище, но вот к суровому климату столицы изнеженный южанин так и не привык. Для него, выросшего в Южных регионах, столичная зима казалась сущим адом.

Еще осенью, наслушавшись баек о трескучих морозах, он запаниковал и скупил в уездном магазине весь теплый скарб, до которого смог дотянуться. Теперь его быт мало чем отличался от привычек северян. О ежедневном душе пришлось забыть — мылся он теперь раз в неделю, а то и в две. А ведь в первые дни Чэнь Вэньлай громче всех возмущался местными порядками: мол, у них на юге не помыться перед сном и не сменить белье считалось верхом дикости!

Стуча зубами от холода, он натягивал штаны:

— Искренне поражаюсь Дэн Цзяхуэю. Ушел ни свет ни заря и до сих пор в аудитории сидит. На его руки без слез не взглянешь, все в багровых цыпках. Жуткое зрелище.

— Обычное дело, почти все через это проходят, — отозвался кто-то. — На юге у вас тепло, вот ты обморожения и не видел. А здесь без этого ни одна зима не обходится.

Гоудань в эти разговоры соваться не любил. Он бесшумно, едва качнув панцирную сетку койки, прыгнул на пол, снял с вешалки куртку и принялся одеваться.

Чэнь Вэньлай так и застыл с разинутым ртом. Его неизменно восхищала ловкость соседа, и он уже приготовился разразиться очередной порцией восторженных охов, но Ли Кай вовремя зажал ему рот ладонью:

— Потихе, дружище. А то соседи подумают, что тут кого-то режут.

Чэнь Вэньлай шутливым движением задержал ногами, мыча сквозь пальцы:

— Ну покажи еще раз! Ну пожалуйста, как ты так легко прыгаешь?

Ли Кай шутливо щелкнул его по лбу:

— Нашел акробата. Тебе в цирк, что ли, билетов не досталось?

— Шевелитесь лучше. В столовой сейчас все приличные блюда разберут, а нам еще полночи зубрить. Ну так что, идете?

— Идем, идем!

Парни гурьбой вывалились в коридор. Зимние сумерки сгущались мгновенно. В столовой клубился густой пар, пахло разваренным тестом и соленьями, и после ледяного ветра с улицы это место показалось им райским уголком. Быстро отыскав свободный стол, они побросали на табуреты шерстяные рукавицы — застолбить места — и рванули к раздаче.

Ли Кай взял две огромные миски лапши в горячем бульоне. Зимой это лучшее спасение: обычная каша или рис на холоде мгновенно остывают и слипаются в ком, а горячая юшка прогревает до самых костей. Стоило такое удовольствие недешево, но Ван Сюань недавно выдал ему свежую пачку талонов на питание со словами: «Заработали денег — так хоть питайся по-человечески».

К тому же организм Ли Кая, казалось, все еще требовал ресурсов для роста, и парень за последнее время заметно осунулся.

— Наш Ли Кай за один раз съедает столько, сколько я за два дня одолеть не могу, — покачал головой Чэнь Вэньлай, осторожно неся к столу свою скромную пиалу. — Дома я лапшу вообще терпеть не мог, а тут — уплетаю за обе щеки. Общежитие из любого неженки человека сделает. Мама бы увидела, как я теперь все подряд мету, от счастья бы расплакалась.

Ван Фан так и покатился со смеху:

— Помню-помню, в сентябре мы пошли обедать, так ты над тарелкой как воробушек чах. Теперь-то мать точно вздохнет с облегчением.

За этот семестр, глядя на прожорливых соседей по комнате, Чэнь Вэньлай и сам немного расширил свой рацион. Да и деваться было некуда: выбор в студенческой столовой не баловал разнообразием, голод — не тетка, заставит полюбить и пресные пампушки, и серую лапшу.

Впрочем, остальные ребята тоже не жаловались на отсутствие аппетита, хотя до рекордов Ли Кая им было далеко.

— Теперь понимаешь, почему северяне такие плечистые да рослые? — поддразнил южанина Ли Кай, отлично знающий, как тот завидует его росту и крепкому телосложению. — Мы налегаем на мучное да зерновые, едим за троих. Зато каждая ложка идет в дело — в рост да в кость!

— Ну уж нет, кость у меня просто аккуратная, — заворчал Чэнь Вэньлай. — Вы же видели моих родителей, когда они меня привозили? Я среди нашей родни еще великан. Против природы не попрешь, гены пальцем не раздавишь.

— Тоже мне беда, — вставил Ван Фан. — Подыщешь себе невесту из наших краев, статную, высокую — глядишь, и детишки уродятся богатырями. Ауч! Ты чего дерешься?

— Какое еще улучшение породы? Чтобы они пошли в тебя, такие же неотесанные? Ну уж нет, увольте!

— Глядите-ка, столичных словечек поднабрался! Да только наши девчонки на тебя и не посмотрят. Рядом с такой молодухой ты же будешь как младший брат выглядеть.

— Тихо вы... Вон там, у окна, не Дэн Цзяхуэй случайно? — Чэнь Вэньлай пихнул Ван Фана локтем и указал подбородком вглубь зала.

— Точно, он. Чего это он в углу пристроился? Позвать его к нам?

— Да пусть ест спокойно, не мешай парню, — осадил его Чжао Шэн, удерживая за плечо собиравшегося вскочить товарища. — Угомонись. Столовая битком забита, сейчас как заорешь на весь зал — все на нас вылупятся.

— Да я просто хотел, чтобы мы вместе посидели...

— Мы уже свои миски подчистили. Позовем его, и будем сидеть над душой, в рот заглядывать? Голова у тебя вообще варит?

Дэн Цзяхуэй тем временем тоже заметил одноклассников, но подходить не стал — лишь коротко кивнул издали. Ребята, за исключением копошившегося Чэнь Вэньлая, расправились с ужином за считанные минуты. Особенно Ли Кай — две огромные бадьи лапши исчезли в его желудке быстрее, чем бульон успел остыть. Уходя, они по очереди помахали Дэн Цзяхуэю ручкой и один за другим выкатились на морозный воздух.